

Источник света

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
ПРАВОСЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ольга Наумова

Ольга Наумова

Источник света

«Автор»

2025

Наумова О.

Источник света / О. Наумова — «Автор», 2025

Современная Россия, Белоруссия, Черногория, Хорватия... В книге поднимаются трудные вопросы. Почему не признаны Церковью останки членов царской семьи? Могла ли Елизавета Федоровна в Алапаевской шахте перевязывать своим апостольником рану на голове молодого князя? Крым – наш ли он? Описаны встречи с прозорливой старицей, Патриархом Кириллом, и простой москвичкой, родившейся на станции метро «Маяковская» в 1942 году. Современный православный мир – какой он и почему такой? Вместе с автором читатель переправится на пароме через Волгу, трижды проползет на колених под ракой с веригами преподобной Евфросинии Полоцкой, совершит прогулку по набережной Ялты и по Ваганьковскому кладбищу Москвы. В книге 10 глав и фотографии почти к каждой главе.

© Наумова О., 2025

© Автор, 2025

Ольга Наумова

Источник света

Источник света

Порой с нами происходит что-то, выходящее за рамки обыденности: порой чудесное и радостное, а иногда пугающее, сталкивающее с миром темных сил. Это потрясает. Ведь в душе мы надеемся, что уж в нашей-то жизни будут действовать, волшебным все преобразовывать только светлые силы: какое-нибудь благодатное божественное провидение или ангел-хранитель, трепетный и белоснежный.

Все самое необычное происходит, когда покидаешь дом, находишься в пути, в дороге, в основном в паломнических поездках. Так получилась книга «путевых записок».

И вы не бойтесь ненадолго покинуть дом, прокладываете новые маршруты, а может, эта книга подскажет дорогу.

Глава 1

Еще до войны

(рассказ о событиях января 2014 года)

Под конец нашего короткого разговора молодой улыбчивый игумен с черной бородой вдруг сказал как-то особенно душевно: «Раз вы такие богомолки и паломницы, вам нужно обязательно съездить в Рязанскую область, под Скопин, к старице матушке Феодосии. Матушка прозорливая, удивительная. И пророчество есть: пока матушка жива, войны не будет».

Игумен первый с нами заговорил. Мы встретили его зимой, в Коломне, куда приехали с подругами на один день посетить святые места и осмотреть старинный кремль, в одной из башен которого когда-то была заточена Марина Мнишек, но, по преданию, колдовством превратилась в ворону и улетела.

Все мы очень любили такие маленькие путешествия на машинах; происходили они чаще зимой – летом нам хватало нашей деревенской жизни. Так хотелось вырваться из своих московских квартир, подышать морозным воздухом культурной и православной провинции.

И вот сквозь тревожный образ вороны, со зловещим карканьем вылетающей из узенького окошка круглой толстостенной башни из красного кирпича, засветился уютный облик старицы: «Да, я хочу к матушке Феодосии за поддержкой и утешением!»

Мне запомнилось, как мы заезжали под Коломной на святой источник, который излечивает пьяниц, что было много снега и солнца. Еще запомнила, что насельницы женского монастыря очень не советовали нам посещать мужской монастырь, видимо, считали, будто в нем недостаточно ревностно сохраняют чистоту Православия. У православных часто так бывает: кто-то за профессора Осипова, или Даниила Сысоева, или еще за кого-то, а кто-то против. Бог так устроил, что у всех есть ошибки. Что ж, ошибки есть даже у Святых Отцов.

Прошло немало времени, прежде чем удалось организовать и поехать к матушке Феодосии в Рязанскую область. Со мной поехали три москвички, у всех дома в деревне, где и у меня. Нас связывало особое деревенское родство. Машина моя – большая, черная, дорогая – была еще совсем новая. Девчонки все чудесные: пятидетная пухленькая Таня, одна воспитывающая своих детей; Наташа, деревенская соседка, и Света, бабушка моего крестника, чей дом в деревне стоял у самого храма. Главной нашей целью было побывать у старицы, а по дороге заехать в разные интересные места, но, когда мы еще в темноте выезжали из Москвы, Света сказала: «Саша Лисин, когда узнал, что мы едем в Рязанскую область, предположил, что мы можем заехать в монастырь к его прапрадеду Софронию Ибердскому». Саша Лисин – тоже

наш, деревенский, хоть и москвич, как и все мы. Его дом в дальней деревне промыслительно сгорел, и он купил маленький домик в той деревне, где у нас возрождался храм, стал Светиным соседом.

Мы сразу же решили, что не будем отступать от намеченного плана поездки, но, если вдруг окажется, что Ибердский монастырь где-то по дороге, обязательно туда заедем.

Саша Лисин, будучи прямым потомком по мужской линии праведного Софрония, еще дореволюционного святого, прозорливого отшельника и создателя женского монастыря, был человеком неверующим, своего прославленного предка не навещал и даже осуждал за то, что тот «бросил» троих детей, и на меня нападал, спрашивал строго: «Зачем вы здесь церковь восстанавливаете? Для кого?» – чем вызывал во мне безутешные слезы, подталкивал к посещению дорогих могилок на деревенском погосте и долгому молитвенному хождению вокруг храма.

В житии праведного Софрония сказано, что священник, вынимая младенца из крещенской купели, увидел уходящий от него в небо столб света и сказал родителям, что великим будет их дитя. По родительскому благословию Софроний женился, семейная жизнь была счастливой, родилось трое детей. Но Софроний мечтал об уединенной жизни и, получив согласие супруги, ушел жить в лес для духовных подвигов. Там, в лесу, со временем им была основана женская община, а в дальнейшем и монастырь. При жизни старец много говорил о последних временах, о закрытии и разрушении его обители, что монастырь, уже мужской, вновь откроется, когда его мощи «поднимутся из могилы». 25 января 1914 года праведный Софроний отошел ко Господу. При облачении на теле праведного обнаружили вериги, выросшие в тело.

Люди мирские думают, что смысл жизни – в детях, да и Апостол Павел писал, что женщина «спасается чадородием», «если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. 2, 14-15). Что же, просто чадородия недостаточно? Дивеевская блаженная Пелагия Ивановна Серебренникова, родив первенца, не была ему рада, просила Бога забрать его. Ко второму мальчику отнеслась так же. Вскоре оба умерли, прожив по полтора года. Тогда муж начал страшно бить ее. Когда родилась девочка, блаженная, не глядя на дочку, принесла ее матери и бросила на диван. Прожила девочка всего несколько недель. Муж запирали ее, морил голодом и холодом, однажды привел к городничему и велел высечь ее, что тот и сделал со всем усердием, залив комнату кровью. Муж заковал ее и посадил на цепь, подвергал Пелагию все новым мучениям, а потом совсем от нее отказался, отправил к матери. Оказавшись в Дивееве, продолжала юродствовать. Прозорливость ее стала очевидна, росла слава, стала зваться «вторым Серафимом», со всей России ехали к ней люди услышать мудрое слово, духовный совет или обличение. Ныне мощи блаженной Пелагии Ивановны почивают в Казанском храме Серафимо-Дивеевской обители.

Святые парадоксальны и дерзновенны.

И пусть неверующий Саша Лисин осуждал своего прославленного предка за то, что тот ушел от жены и троих детей, и не собирался посещать место его подвигов, все-таки, получается, не мог не думать о нем, раз направил нас в Ибердский монастырь. Да и сам праведный Софроний, несомненно, с вниманием следил за жизнью своего потомка, хорошего человека Александра Лисина, неустанно за него молился, и Бог наградил того многочисленными внуками и домиком в очень красивом месте рядом с храмом.

Итак, сначала мы посетили родину Есенина село Константиново и мужской монастырь неподалеку. В Константинове мне стало многое понятнее в судьбе великого поэта. Два традиционных ряда домов и непривычно широкая улица: здесь две лихие тройки могли легко разминуться, промчавшись довольно далеко друг от друга. Проносились ли здесь тройки? Сомнительно... Ближе к широченной пойме Оки ряд побогаче – дворянский особнячок и хорошо сохранившийся храм. Наверное, он сохранился благодаря своему местоположению. Маленькие бедные домики – во втором ряду. У двух таких домиков фронтальный вид из окошек прямо на

белую нарядную церковь. То есть вся жизнь со взглядом на храм. Или под присмотром храма? Один из этих двух домиков – дом Есенина. Жилое пространство настолько крошечное, что не ясно, как там могла жить семья.

Наши просторные деревенские дома-дачи, с пристройками, где когда-то хранились и дрова, и сено, жили разные домашние животные – каждый в своем хлеву – показались мне почти дворцами! В доме поэта была удручающая теснота, зато там, за окном – замечательная картина: и вечность, и бесконечность. В близлежащем монастыре, в который Сережа Есенин ходил с бабушкой на богомолье, запомнился красивый фарфоровый иконостас и множество черепов монахов на полочках в специальном помещении на афонский манер.

К концу дня, еще засветло, добрались до поселка Октябрьский, остановились недалеко от одноэтажного домика старицы, чтобы можно было наблюдать за домом из машины. Калитка на территорию была закрыта, и мы ждали в машине, включив на полную мощность печку. На улице было морозно. Мы знали, что матушка принимает только с наступлением темноты. Так повелось с советских времен, когда это было запрещено. Ждали несколько часов.

Наташа Косоротихина, будущая матушка Феодосия, родилась в 1923 году в Скопинском районе Рязанской области. Во время войны рыла окопы, после войны работала с военнопленными в шахте, потом на стройке. Однажды разгружали кирпич, и борт самосвала упал, и будущую старицу завалило кирпичом. Почти двадцать лет после аварии она находилась в летаргическом сне и до конца жизни прикованной к постели. Прямо в ее комнате священники служили водосвятные молебны. В 1990-х была пострижена в схиму.

Окормлялись у нее священники, иеромонахи, архиереи, за советом приезжали спикеры Госдумы и губернаторы, главврачи крупных столичных больниц и бесконечное множество простых людей.

Когда стемнело, открыли, наконец, калитку и дверь на летнюю террасу. Здесь, на террасе, было так же холодно, как и на улице, только что ветер не дул и было светло. Народу вдруг оказалось много, и было тесно. Мы, вопреки ожиданиям, были совсем не первыми в очереди. Какая-то женщина-распорядитель вызывала людей по одному, и все, кроме нас, были знакомыми, блатными. Народ прибывал, многие по-свойски проходили прямо в дом, а мы так и стояли на одном месте, на холоде, порой на одной ноге. Нас словно не замечали. Чтобы войти, надо было снять верхнюю одежду и обувь. Помню: только что прибежавшему мужчине в красной куртке кивнули и сказали, что он пойдет следующим. Почти сразу же подружка Танечка начала падать назад и вбок, но в тесноте ей это не совсем удалось, тем более что мы ее подхватили. Таня пришла в себя, а я сказала громко: «Мы хоть и были первыми, опять будем последними». Тогда нас и пропустили, всех четверых по одной. Друг друга мы раздевали и одевали, помогали снимать быстро обувь. Здесь все надо было делать быстро.

Наконец зашла я. Сразу от прихожей надо было повернуть налево, пройти через кухню. Я несла в пакете гостинцы для старицы. Продуктовый набор. Мне велели поставить пакет на пол. Я поставила. За кухней располагалась маленькая комнатка матушки Феодосии. Она лежала на кровати сразу направо, вдоль стены, ногами к дверям: вся чистенькая, кружевная, с круглым личиком, беленькая: в белом платочке, на белых простынях и перинах. Окно находилось, кажется, напротив нее. Тут же сидела «хожалка» на стуле у кровати. И меня пригласили сесть на стул в противоположном от матушкиной кровати углу, предложили задавать свои вопросы.

Дальше происходило что-то странное. Я задавала свой вопрос, хожалка мой вопрос повторяла, хотя было очевидно, что матушка Феодосия меня прекрасно слышала. Затем старица отвечала. Ее ответ был хорошо слышен, но хожалка зачем-то и ответ повторяла. Повторит и от себя что-то добавит категорично. Я задала два вопроса и хотела задать еще один, но, видимо, каждому полагалось только по два вопроса, и я еле умолила мимикой и жестами задать третий вопрос.

Все ответы матушки были неконкретными, общежитейскими. Я вышла в недоумении. Она на меня даже не смотрела, взглянула только, когда я входила. Но моих попутчиц старица утешила. Наташе благословила строить новый дом на месте сгоревшего, на старом фундаменте, и дом был возведен в том же году. Таниной невестке предрекла выздоровление – так и произошло. Про Свету не помню.

Ночевали мы в холодной гостинице в Скопине. Были здесь единственными гостями. В одежде, накрытые одеялами и шубами, всю ночь не могли согреться. Назавтра поехали в Рязань. Посмотрели карту, показалось, что Ибердский монастырь совсем недалек, решили заехать. Дорога была путаной. С трудом нашли.

Монастырь располагался в лесу. Белая церквушка, побеленная монастырская стена, белоснежные свежие сугробы кругом, в небе безоблачная синева, яркое солнце и... мороз. Дорога была хорошо накатана, доехали до самой монастырской стены. С полпути мне пришлось вернуться к машине и заменить темные очки на обычные, чтобы хорошо видеть в полумраке храма. И вот подхожу последней к храму и вижу: попутчиц моих нигде нет, с замком церковной двери возится мужчина в телогрейке, рядом с ним старушка. Задаю какой-то вопрос, а старушка начинает на меня сердито ругаться. Я в недоумении. Вижу, что к храму подходит священнослужитель в облачении. Иду навстречу ему, благословляюсь, объясняю, что мы приехали от потомка святого и просим нам что-то рассказать о Софронии Ибердском – все на ходу. Священник тоже начинает меня ругать, не останавливаясь идет к храму. Старушка отправляет меня дальше, куда-то за храм. Там, напротив алтаря, стоят мои девчонки вокруг могилки святого. Могилка совсем простая, с белым надгробным памятником и портретом. Здесь мы молимся и набираем песочка.

Оказалось, что мы приехали в монастырь буквально через несколько дней после столетия кончины святого Софрония. На юбилей было многолюдно и торжественно. И вот через несколько дней, ночью, как раз перед нашим приездом, кто-то попытался взломать дверь храма, да не удалось. Дверь, однако, заклинило, и теперь все небольшое население монастыря было взволнованно и сердито.

Мы помолились, набрали песочка и пошли обратно. Света с Наташей к машине, а Татьяна – самая воцерковленная из нас и потому самая нечувствительная к ругани – все-таки поднялась по ступенькам храма и молчаливо встала у двери. Я догнала Свету с Наташей, отдала им ключ от машины, а сама вернулась, остановилась неподалеку, смотрела, что будет. Старушка и священник не переставали ругаться – потом мы выяснили, что она его мать – и из их ругани почни невозможно было вычленить каких-то конкретных претензий к нам. Настоятель был в принципе недоволен тем, что мы приехали, а его мать обвиняла нас в том, что мы плохо воспитываем своих детей, а они, мол, потом обворовывают храмы. Танечка стояла невозмутимо, и все ругательства словно отскакивали от нее.

Дверь удалось открыть, настоятель вдруг сменил тон, стал сахарно-любезен, сказал, что по такому морозу опасно ехать в такую глушь: вдруг машина сломается! Я ему ничего не ответила, даже не взглянула, поднялась по лестнице и прошла в полумрак храма вслед за любимой подружкой. И здесь мы увидели, что мощи Праведного Софрония Ибердского находятся в великолепной раке. Мы сделали все обычное, что положено: приложились к мощам, поставили свечки, поцеловали иконки, помолились, написали записки, купили иконку и житие святого. Здесь старушка продолжала нас ругать: оказалось, я не умею правильно писать записки. Я саркастически подумала: «Надо же, двадцать лет неправильно пишу!»

Татьяна пошла к машине, а я вернулась на минутку к могилке. Возможно, мне просто хотелось побыть одной. Слезы сами по себе потекли из глаз, а лицо оставалось неподвижным. Со мной так было раза три в жизни. Плакала я не из-за обид на ругателей, а из-за того важного, что происходило внутри.

Потом я узнала из Интернета, что настоятель в Ибердском монастыре из монахов один. Когда я бываю в каком-либо монастыре, всегда спрашиваю у продавщиц в лавке, сколько же в монастыре насельников, и, если мне не отвечают ничего конкретного, значит, насельников раз-два и обчелся. Так в одном женском монастыре настоятельница оказалась единственной монахиней. Знакомство с ней было совсем коротким, но незабываемым: всех посещающих монастырь ей хотелось выстроить рядами и обругать. Так она обругала моих спутниц, и меня обругала, хоть я и стояла в сторонке, брошюрку перелистывала, сказала примерно следующее: «О, юбка желтая, а кофта розовая. Никакого вкуса!» Драматургу Оле Мухиной через минуту знакомства велела писать сценарий для Рождественского представления, а другой моей попутчице Тамаре, одетой «а-ля монашка», выдала грабли для уборки территории. Тамара и начала испуганно сгребать листья, а мы с Олей и ее дочкой стояли в оцепенении и ждали: нужно было срочно ехать дальше, к цели нашего путешествия. У православных считается, что ругань очень полезна: смиряет.

А в той поездке помучились мы немного, а полученное бесценно. Не сразу я поняла, но постепенно почувствовала, что избавилась от тяжелого, от чего, казалось, и избавиться невозможно, вся жизнь моя переменилась. А ведь за этим и ездят в паломничества!

Впоследствии оказалось, что во всех вопросах, заданных матушке Феодосии, не было смысла, так все повернулось в моей жизни. Потом я прочитала книгу про матушку. Там люди описывали свои встречи со старицей. Многие были сначала в недоумении, а затем постепенно приходило понимание, происходило что-то, не связанное с вопросами и ответами во время встречи.

Кто же мне помог: матушка Феодосия или батюшка Софроний? Или они вместе сжалились надо мной?

В том же году, в мае, матушка умерла. Точно по пророчеству, тогда и началась война на Украине.

В 2018 году в деревне отмечали восьмидесятилетие Саши Лисина, праправнука Софрония Ибердского. Саша и меня пригласил! Мы тогда уже начали расписывать наш деревенский храм, и я отлучилась на полчаса, чтобы поздравить Сашу и сказать тост: «Да здравствуют многочисленные, благословенные, славные, собравшиеся здесь во главе со своим патриархом-юбиларом, потомки святого Праведного Софрония Ибердского!»

Использована информация из книги:

Богом данная схимонахиня Феодосия из Скопина. Редактор-составитель Ольга Орлова. – М.: Изд. «Покров ПРО», 2016.

Фото автора.

Глава 2

Крым наш

(рассказ о событиях лета 2014 и сентября 2016 гг.)

В этом придорожном антикварном магазине мне хотелось хоть что-нибудь купить, но рассчитывать я могла лишь на что-то дешевенькое, так как мой супруг был рядом, следил за мной, а он обычно был против всяких покупок. Я перебирала набор дореволюционных черно-белых открыток с красивыми видами Крыма. Открытки стоили всего по сто рублей. И только на одной из них был текст, написанный на обороте перьевой ручкой, черными чернилами, три почтовых печати и красненькая трехкопеечная марка, приклеенная вверх ногами. Именно эту открытку я и выбрала. Супруг шипел, делая «страшные» глаза: «Зачем тебе эта открытка?» Пришлось сглотнуть, поулыбаться: «Ну, пожалуйста!» И открытка стала моей.

Это было первое лето, когда Крым вдруг опять стал нашим, и мы следили за военными сводками с Донбасса. Антикварный магазин располагался на трассе, по которой мы ехали из Великого Новгорода, путешествовали на двух машинах: мы и наши друзья с шестнадцатилетним сыном.

Новгород пришелся мне по душе. Мне понравилась древняя София, краеведческий музей – оба этажа, пешеходный мост между Софийской и Торговой сторонами, фрески Феофана Грека и новгородские святые, перебегающие Волхов «яко по суху» и кидающиеся кочанами капусты.

В машине, пока ехали, я долго прижимала к животу свою драгоценность и почему-то задыхалась, старалась думать о чем-то другом. Потом все-таки попыталась прочитать написанное и разглядеть изображенное. Разглядела пальмы и какие-то заросли, но текст совсем не разобрала. Опять прижала к животу...

Открытка раскрылась не сразу.

Из трех печатей – два ялтинских и одна перелучская – все 1913 года. На фотографии – уходящая вдаль дорожка, ровно обозначенная бордюрами, по обочинам густые развесистые пальмы, совсем невысокие, и еще какие-то диковинные деревья. Поверх фотографии красным сверху: «Крымъ. Импер. Никитскій садъ. Пальмовая аллея». На оборотной стороне крупно, каллиграфическим, с завитушками почерком, какой сегодня не встретишь, написан адрес: «Перелучское поч. отд. Нов. губ. Борович. у. в 13...» Еще что-то непонятное, заляпанное ялтинской печатью, похожее на цифру 6. То есть письмо направлялось в Боровичский уезд Новгородской губернии, в населенный пункт Перелучи, в дом 136 (?) и направлялось оно «Василию Ивановичу Озерову» в 1913 году.

Сначала казалось, что написанного перьевой ручкой самого письма, да не письма, скорее небольшой записки, невозможно будет разобрать: буквы здесь были маленькими, как бисер. Но потихоньку, с неожиданным волнением, удалось все прочесть: «Дорогой мой папа! Как ты поживаешь? Как твоё здоровье? Что теперь поделываешь? Все ли у нас благополучно? А почему ты до сих пор мне ничего не пишешь, меня даже удивляет, – дальше шли четыре тщательно зачеркнутых слова и продолжение, – уж не случилось ли чего, ты знаешь, как я скучаю о тебе и беспокоюсь – пиши, пожалуйста. Я живу около этого сада, а где поставлен крестик, это наша дача. Открытку эту спрячь в комод, нужно сохранить. Целую. Твой Дима».

Фраза «меня даже удивляет» и четыре зачеркнутых слова придавали письму какой-то щемящий драматизм и интимность, излишнюю для открытого письма. Все говорило о внутреннем смятении автора, возможно, речь шла о какой-то непрощенной обиде. Все письмо было написано изысканно, практически безупречно, с неизжитой детскостью. Написано вовсе не провинциально, человеком образованным, думающим, чувствующим, дорожащим отчим домом и родными людьми. Все это делало Диму Озерова из Перелучей каким-то близким, словно и не прошло ста лет.

Прочитав про крестик, десятый раз внимательно рассмотрела фотографию. Где-то в перспективе, за Пальмовой аллеей, действительно стоял незамеченный сразу маленький черный крестик. Теперь стало ясно, почему Дима из набора выбрал именно эту открытку – там была дача, на которой он жил. Письмо наводило на размышления. Диму волнует, что отец не отвечает на его письма, и важна дача у ботанического сада. Он еще не знает, что 1913 год окажется годом, с экономическими показателями которого потом в России будут все сравнивать, что в следующем году начнется Первая Мировая война, а потом революция, война Гражданская, еще война, тяжелые десятилетия и цепочка событий, приведшая к тому, что Крым оказался в другом государстве.

Я хорошо запомнила то время, когда Крым вдруг оказался на Украине. Это было словно удар под дых. Я не спала ночь. Я вспоминала «Севастопольские рассказы» Толстого, «Севастопольскую страду» Сергеева-Ценского, житие адмирала Федора Ушакова, славу Корнилова и Нахимова. Кровь, пролитая на Малаховом кургане, была пролита за Россию.

Отец мужа моей подруги, житель Севастополя, потом всегда говорил: «Эти годы, что мы были без России, на заборах всегда писали: Севастополь, Крым, Россия. Никто не мог смириться».

Что же стало с автором письма и его жизнью?

В антикварной лавке находился комплект крымских открыток. Получается: Дима привез комплект в Перелучи и присоединил его к отправленной ранее открытке. Вероятно. Открытки хранились в семье сто лет? Возможно даже, что в том самом комод, ведь «нужно сохранить». Но кто же выставил на продажу семейную реликвию? Какой-то нерадивый потомок или охотник за стариной, как это часто бывает, обнаружил их на чердаке заброшенного дома? В открытке написано «наша дача». Дима жил там с семьей? Что случилось с ними потом и для чего письмо из прошлого попало в мои руки?

По дороге из Великого Новгорода в Москву мы заехали на ночевку в наш деревенский дом. И эта ночевка запомнилась странной историей. Супружескую пару мы положили спать в гостиной, а их шестнадцатилетнего сына на диване в столовой, за тонкой стеночкой от нас, от изголовья нашей супружеской кровати. Парень спал под «царской» стеной, стеной, где висело много черно-белых, невероятно красивых фотографий семьи Николая Второго, а еще фото-портреты Валентина Амфитеатрова и Амвросия Оптинского.

Я проснулась среди ночи от того, что где-то совсем близко два грубых и, похоже, подвыпивших мужика злобно переругивались друг с другом или еще с кем-то. Сначала я подумала, что мужики ругаются за окном, совсем рядом, но сразу же отмела эту возможность: все происходило гораздо ближе. Совсем близко. За стеной. Я смертельно испугалась и начала будить мужа. Муж быстро проснулся, но голоса умолкли в этот же момент. Я попыталась что-то объяснить, но тут в нашу спальню вошел сын друзей. Мы ему задали какой-то вопрос, и он молча ушел, мы за ним. Потом он дошел до двери на улицу, которая была закрыта, начал ее дергать и очнулся. Очнулся и вернулся на свой диван спать, а все, что было ночью, потом не помнил. Утром мы с мужем все рассказали родителям и самому ночному путешественнику. Получалось так, что злобных мужиков слышала только я, и все смотрели на меня с большим подозрением. Мне же хотелось кричать: «Я не сумасшедшая! Я слышала эти голоса!» Эти голоса я узнала, они были мне знакомы. Один такой голос я слышала у мощей Матронушки в Покровском монастыре, когда два казачка тащили упирающуюся женщину к раке. А еще в Дивеево, у мощей Серафима Саровского. Там вперед толкали сильного и изворотливого дядьку. А здесь – почти ребенок. Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина.

... Прошло более двух лет, прежде чем я осуществила задуманное. В сентябре 2016 года я приехала в Ялту. Сначала я посетила музей Чехова, где узнала, что писатель напрасно ежедневно гулял по набережной города: это только ухудшало состояние его здоровья. Потом я спустилась на автобусе по наклонным улочкам к морю. Здесь я прошла от начала до конца всю набережную, а потом обратно из конца в начало. Теплый морской ветерок гладил мои руки и лицо. Шла не торопясь, старалась дышать глубже, но, возможно, обогнала бы гуляющую здесь чеховскую даму с собачкой, потому что ходить медленно не умею. Я шла, и каждый мой шаг был ярким и жарким, как глоток горячего чая. Подумалось, что я смогла бы жить в этом волнующем сердце городе, похожем на фарфоровую чашку с криво отбитым бочком со стороны моря. По воскресеньям я бы ходила на службу в собор недалеко от набережной, молилась бы там за сына у чудотворной иконы Божьей Матери «Неувядаемый цвет». После службы я бы шла на набережную и здесь зажигала свечу в царской часовне.

Почти через два года я окажусь в городе Плес. В этом городе все будет красивым, а в ресторане «Частный визит» блюда будут украшать только сорванными голубыми анютиными глазками. И каждый день я буду гулять по набережной Волги от памятника кошке Мухе до скульптуры дачницы, словно это гуляние по набережной и будет главным делом моей плесской жизни. Я буду фотографировать сказочные наличники купеческих особняков и домиков поскромнее, радоваться тому, что украденные картины возвращены в музей Левитана, вдыхать запах копченой рыбы, съедать ежедневно «угол» – открытый пирог с копченым лещом – и забираться на плесские холмы, полюбив этот город-картинку раз и навсегда.

Кошку Муху разорвали собаки, когда она защищала своих котят. Ее хозяин, художник Виталий Панченко, написал для меня живописный этюд, и теперь этот скромный пейзаж висит на стене в деревне...

Автобус из Ялты ехал по верхней дороге, а обратно по нижней, так что, войдя в сад, нужно было только спускаться. Пальмовую аллею я нашла без труда, здесь все знали о ней и показывали направление. Походила, потопталась вперед-назад и вправо-влево, сравнивая старинное изображение с реальностью. Наконец я нашла нужную точку, то место, где когда-то фотограф из прошлой жизни надежно установил свою треногу. Наверное, он был в светлом

летнем костюме и шляпе. За сто лет сад поредел, пальмы казались старыми, чахлыми. Я сфотографировала пальмовую аллею на телефон, пытаюсь повторить старый снимок, но мне не удалось взять ту же ширину охвата, мой снимок оказался поуже. Что же стало с нашими пальмами и нашими фотоаппаратами? Сравнение с 1913 годом опять было не в нашу пользу.

Дорогой Дмитрий Васильевич! Я знаю: ты не хотел обидеть отца. Ты прожил свою жизнь как сумел и когда-то еще до войны, словно выдохнул и перекрестил, поставил крестик на открытке в том месте, где отдыхал на даче, подолгу смотрел на море и прогуливался по Пальмовой аллее Императорского Никитского сада.

И мы последуем твоему примеру, отметим те места, где были счастливы, носились по набережным и глотали голубые анютины глазки. Вдруг это кому-то будет важно и нужно.

Фото автора.

Глава 3 Благословение

(рассказ о паломнической поездке в Полоцк в марте 1916 года и событиях 15 марта 2017 года)

Матушку Евфросинью я знала еще тогда, когда она была просто Людмилой, и ее путь к монашеству проходил на моих глазах. Мы были прихожанками одного храма в самом центре Москвы, настоятель которого сейчас – ее зять. Кто бы мог подумать! Помню, уезжая на постоянное жительство в монастырь, она собрала на прощальный ужин нас, своих подруг, и я впервые присутствовала на таком мероприятии. И потом, приезжая в Москву по делам и навестить дочерей и внуков, она часто останавливалась у нас, мы подолгу разговаривали, и тогда для меня приоткрывались волнительные, сокровенные вехи ее монашеского возрастания, а я немного завидовала, словно примеряла ее парамант на себя. Мне казалось, что она стремительно куда-то удаляется в своем черном облачении, а я сыто, буднично топчусь на месте, тыкаясь животом в теплую плиту. И каждый раз я удивлялась, просто поверить не могла в то, что эта строгая монахиня с нездешним взглядом опять оказалась на моей тесной кухне.

Однажды – она как раз недавно была пострижена в монахини – матушка неожиданно появилась на службе в нашем храме в центре Москвы. Ее давно не видели, и она оказалась в кругу людей после литургии: обнимали, целовали, забросали вопросами. Казалось, к ней не протолкнуться. Наконец мы остались наедине. Оказалось, матушка Евфросиния на следующий день собиралась ехать в Белоруссию, в город Полоцк, в монастырь, созданный в 12 веке Евфросинией Полоцкой, в честь которой моя подруга и была пострижена. Схиархмандрит Илий, пророчливый почитаемый старец, благословил ее отправиться в поездку на собственной машине, правда ехать одной она побаивалась. Я сразу же объявила, что еду с ней. Тогда матушка заулыбалась. Батюшка Илий, благословляя в поездку, сказал, что в Москве, в храме, она найдет себе попутчицу, а без попутчицы чтоб не ездила. Получалось, батюшка знал, что я тоже поеду.

Назавтра поехали в Белоруссию, ночевали в чистеньком Витебске в гостинице с видом на древний храм. Гуляли по центру, осматривали монастыри и церкви, а когда я пошла в музей Марка Шагала, матушка со мной не пошла, сказала, что монахини по музеям не ходят и она подождет меня на улице. В музей я только зашла и почти сразу выбежала оттуда, чтобы не заставлять матушку ждать, но потом очень жалела, что ничего не рассмотрела там. Я люблю музеи, сама организовала два музея.

В монастыре нас встретили очень хорошо. К их святой Евфросинии приехала Евфросиния из Оптиной! Нам предоставили уютную келью со всеми удобствами, с видом на весеннюю реку с глинистыми берегами.

У истоков славного рода преподобной Евфросинии стоит равноапостольная княгиня Ольга, а равноапостольный князь Владимир был ее прапрадедушкой. В 1125 году святой княгиней был основан монастырь, в котором усердием матушки-игуменьи за тридцать недель был воздвигнут каменный Спасо-Преображенский храм, сохранившийся до наших дней. Сохранилась и роспись 12 века, неправдоподобно совершенная, почти неземная. Матушка-игуменья жила прямо здесь, в храме, в маленькой молельной комнатке на хорах, справа, а слева жила ее сестра.

В Крестовоздвиженском соборе мы благоговейно припали к раке с нетленными мощами, а от насельниц монастыря узнали, что святые мощи два раза в год переодевают и что матушка теплая, у нее сохранились даже реснички, видны прожилки на руках.

В раке под стеклом хранились предполагаемые вериги преподобной. Под ними традиционно надо было проползти на коленях. Я проползла, постояла немного в отдалении и проползла еще раз. Какая-то монахиня с безразличным лицом как бы между прочим сообщила мне, что под веригами традиционно проползают в другую сторону. И тогда я проползла в третий раз.

Под конец жизни подвижница предприняла паломническую поездку в Иерусалим, где посетила Гроб Господний. Вскорости она заболела и умерла. 14 лет мощи матушки-игуменьи находились в монастыре недалеко от Иерусалима, а во время осады города мощи были пере-

везены в Киево-Печерскую Лавру, где они и покоились более 700 лет в Дальних пещерах, в древнейшем подземном храме.

В 1910 году, после многочисленных отказов, волею государя Николая Второго, мощи преподобной Евфросинии было решено передать из Киева в Полоцк, в основанный ею Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. Был утвержден подробный чин, как это должно произойти. Мощи были переложены в новый кипарисовый гроб и торжественно перенесены на белоснежный пароход, украшенный зеленью и цветами, на котором был сооружен купол с крестом, подсвеченный электрическими лампочками. По пути следования процессии к пристани были расставлены шпалерами войска, народ в неисчислимом количестве провожал святую, были заняты все возвышенности.

Во время следования парохода по Днепру по берегам реки стояли тысячи людей, встречая святыню, бежали за пароходом, заходили в реку, набирали воду от волн парохода... При подходе крестных ходов от монастырей и сельских церквей пароход останавливался для совершения молебнов. В назначенных на маршруте остановках мощи встречало местное духовенство во главе с епископом, раку переносили в собор, проходили торжественные службы. Люди православные заполняли крыши, сидели на заборах, столбах и деревьях, в храмах к мощам прикладывались не только православные, но и старообрядцы и католики. В Могилеве мощи пробыли три дня, а в Орше покинули пароход, сутки находились в городском соборе, и направились с пешим крестным ходом через Витебск в Полоцк. Никогда раньше Орша и Витебск не видели такого количества людей и такого торжества. По дороге до Полоцка драгоценные мощи преподобной встречали многотысячные крестные ходы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.